

Роман Лункин

Российский протестантизм и русская культура: в поисках христианского идеала

Страдания объединили христиан в советский период, гонения породили мучеников и исповедников в самых разных конфессиях. Протестанты и православные - наследники гонимых церквей - никак не могут считать себя врагами и лишь отчасти могут быть религиозными конкурентами. РПЦ со своей последовательной антисоветской позицией никогда официально не называла консервативных баптистов и пятидесятников «сектантами», а со временем была вынуждена пойти на диалог и с «новыми» церквями 1990-х годов (особенно активно с 2009 года, когда главой Отдела внешних церковных связей стал митр. Иларион). Итогом жизни в СССР стало не только совместное мученичество, но и то, что протестанты интегрировались в советское общество, также как и Московская патриархия — в виде лояльности или фронды по отношению к советской власти.

После распада Советского Союза христианские церкви и религия в целом стали инструментом освобождения от постсоветских мифов и формирования нового христианского мировоззрения. Российский протестантизм ворвался во все сферы общества вместе с возрождением РПЦ. Сосуществование с демократической и миссионерски активной формой христианства оказывает большое влияние на социальное служение и миссию РПЦ. Протестантизм также испытал влияние общественных настроений — отказался от западничества и стал во многом исповедовать государственничество. Эту работу по изменению образа христианства в России протестантизм не смог завершить в начале XX века и делает это сейчас.

Российское христианство разделилось в 1990-е и 2000-е годы на две части по своим социально-политическим функциям — на идеологическое в лице РПЦ и социальное — в лице протестантизма и частично католицизма. По существу довольно долго протестанты воспринимали себя как миссию, дополняющую православную, а РПЦ не давала поводов для того, чтобы можно было назвать ее милосердной и близкой к нуждам простого бедного человека. В 2010-е годы РПЦ и протестанты стали развиваться на равных в сфере социального служения, основываясь на одинаковых принципах, негласно перенимая опыт друг друга. Однако влияние протестантизма на социальную сферу оказалось огромным (протестанты лучше всего занимаются реабилитацией наркозависимых, пропагандой здорового образа жизни, организацией молодежного спорта, благотворительных фондов).

Советская атеизация и модернизация общества во второй половине XX века подготовили благоприятную почву для роста протестантизма — целый культурный слой предпринимателей и часть технической и гуманитарной интеллигенции. В протестантизме она реализовала свой скепсис по отношению к РПЦ и надежды на демократическое развитие страны в будущем. Однако во многом протестанты разошлись с демократической интеллигенцией в ее взглядах на христианство и роль церкви при демократии, несмотря на то, что баптисты и пятидесятники часто вместе защищали права человека с диссидентами из Хельсинкской группы. В этом протестанты стали союзниками консервативных православных. Эту позицию «христианского сопротивления» ярко и емко выразил православный литературовед профессор Иван Есаулов в своей книге «Постсоветские мифологии: структуры повседневности» (М., 2015): «Советские диссиденты 70-х годов, за редкими, очень

редкими исключениями, были настроены не только антисоветски, но и антирусски (чего решительно нельзя сказать ни о Первой эмиграции, ни о Второй). И даже те из них, кто вошел – в качестве «протестного акта» – в лоно Русской Православной Церкви, рассматривали этот шаг как своего рода вызов истории. Не советской, но, гораздо чаще, именно русской истории. Отсюда странная, на первый взгляд, мешанина из декларируемых христианских позиций и стремления к радикальной ревизии не советских установок в целом (здесь, напротив, тщательно отделяется «плохое» сталинское от «хорошего» интернационального ленинского), но к ревизии именно русской истории как таковой; в том числе, и ревизии истории Русской Церкви. Речь идет в данном случае не о критике тех или иных недостатков исторической Церкви, будь то преследования старообрядцев или сервелизм перед советской властью в годы гонений на христиан в СССР. Имеется в виду кардинальный пересмотр, суть которого лучше всего с бесхитростной простотой выразил вовсе не церковный диссидент, а потомственный советский пропагандист, ныне весьма преуспевающий в РФ телеведущий Вл. Познер: скверно уже то, что русские в свое время приняли именно Православие. Так что мое христианское сопротивление <...> не имеет ничего общего с такого рода советской – по своему происхождению – диссидентурой. <...> Это неприятие не только того, что происходит «дома», в РФ, но и той «дехристианизации», что совершается на христианском по своему происхождению Западе». Под этими словами Есаулова могло бы подписаться и большинство нынешних протестантских служителей.

В этическом смысле представители мелкого и среднего бизнеса в большей степени желали быть «честными», так как сами страдали от нечестности экономической системы (православие такой «честности» предоставить не могло, да и не требовало ее). Однако сами протестанты отмечают, что трудовая этика не до конца прижилась в евангельском движении – предприниматели искали формы, где бы неуплата налогов была «меньшим злом», в пятидесятничестве трудовая этика ушла на второй план перед лицом стремления к «процветанию» и эмоциональным «духовным дарам».

В культурном отношении протестанты фактически без труда завоевали постсоветское российское общество — без Реформации православия и трансформации основ общественного сознания. Еще до революции 1917 года повседневная жизнь жителей Российской Империи была, по сути, мало связана с пониманием церковного вероучения, но во многом формально зависела от приходской жизни и круга праздников. В советское время был утрачен и церковный строй жизни, православный смысл (или смыслы) русской литературы, живописи. Тем более была прервана традиция богословия, социального измерения православного христианства. Можно сказать, что протестантизм, сам прошедший горнило репрессий, пришел в чистое поле — естественным инструментом миссии стала популярная культура, «попса», работа с субкультурами, преодоление псевдоправославных стереотипов о «сектах». Такие же методы пришлось использовать и православию. Наиболее близким к православию по своему отношению к культуре, классической музыке, в особенности, стало лютеранство (Церковь Ингрии и Евангелическо-Лютеранская церковь, которая только к 2010-м годам встала на ноги после массовой эмиграции немцев и ставшая русской).

Культурная интеграция евангельского движения зашла наиболее глубоко в сфере национальной миссии среди коренных народов России. Финно-угорские народы, народы Крайнего Севера, тюркские народы создали свои национальные протестантские церкви, общины, которых нет в отдельных случаях у РПЦ. Никто не

может сказать, что культура марийцев или якутов - это не русская (российская) культура. Все они входят в наш «русский мир». Многонациональность сделала протестантизм частью российского пространства.

Российские пасторы прошли путь от стремления реформировать православие или мимикрировать под него, подражать, до осознания своей самостоятельной роли рядом с РПЦ, в православно ориентированном обществе. Об обновлении православия и реформации писал еще лидер евангельских христиан Иван Проханов. В 1990-е годы большинство служителей также надеялись на диалог с РПЦ и евангелизацию православия с тем, чтобы вместе изменить страну. В русле поисков своего исторического места были также и отдельные попытки стать «православными протестантами» — создать церковь с православным обрядом, использовать иконы, носить рясу с крестом и бороду. Иллюзии изменения РПЦ, диалога с православием рассеялись. Однако осталась символика, которая позволяет быть на одном политическом уровне с представителями РПЦ - повсеместно объединения церквей именуются епархиями, старшие пасторы епископами, некоторые архиепископами, есть Дома молитвы, построенные в православном стиле.

Постсоветским феноменом стало то, что в российском обществе появилось и укрепилось общероссийское движение, принципиально приверженное демократическим ценностям и ориентированное на развитие институтов гражданского общества. Таким движением стал протестантизм – приверженность демократии, правам человека и рыночной экономике выражена в Социальных концепциях пятидесятников, адвентистов и в общепротестантской концепции. Но жизнь протестантов наполнена не только проповедью, социальной работой и «честным трудом» в духе протестантской этики. Евангельское движение — это олимпийские чемпионы, певцы, побеждающие в шоу «Голос» на Первом канале и в других конкурсах, рэп и рок-группы, хоровые коллективы, многодетные семьи, получающие ордена, фермеры, чиновники, политики в регионах, бизнесмены. Уже есть отдельные богословы (пятидесятник Михаил Дубровский) и общественные деятели (бывший глава Союза баптистов Юрий Сипко известен демократическими проповедями).

Попытка выработать свою демократическую патриотическую программу и найти свое место в истории происходит также в ходе Евангельских Соборов, которые протестантские общины, в основном, пятидесятники, проводят с 2010 года (материалы соборов размещены на портале <http://evangelicals.ru>). Соборы были посвящены самым разным темам: идентичности (2010), перманентной Реформации (2011), Будущему Церкви (2012), Церкви в мегаполисе (2013). В связи с украинской ситуацией проведение соборов было прервано, но постоянной традицией стало издание религиозно-философских тетрадей не только по итогам соборов, но и церковных конференций.

Наиболее показательным по числу поставленных задач и откровенно поднятых вопросов стал Первый Евангельский собор 2010 года. Уже тогда в тезисах собора отмечалось растущее отчуждение церквей России от других церквей постсоветского пространства, в том числе из-за политических событий в Украине, Грузии и странах Балтии. «Оранжевые» революции вызвали критику со стороны российских собратьев за участие местных церквей в политике, а русские церкви моментально стали восприниматься в качестве потенциально опасных проводников «западного влияния» в глазах российских властей.

Однако несмотря ни на что в 2010 году протестанты заявили о своем стремлении защитить идентичность и единство русскоязычного пространства евангельского движения. Как подчеркивали организаторы, «Особенно важно, что таким образом мы создадим механизм защиты от попыток "встроить" евангельское движение в привычную, и потому легко возобновляемую византийскую модель». Для преодоления византийского толкования истории соборяне ввели понятие «евангельского духа», связанного со свободной «неклерикальной» проповедью Евангелия. Эту теорию о борьбе византизма и евангелизма еще в 1990-е годы развивала Ассоциация «Союз христиан» во главе с Игорем Никитиным (умер в 2015 г.). Она позволяла подчеркнуть национальный характер протестантизма при отсутствии разработанного богословия и укорененности евангельских христиан в пределах Святой Руси, на исторической территории православия. То есть, по сути, позволяла найти то, чего не было:

«Действие евангельского духа в российской истории можно проследить задолго до князя Владимира — так, например, Он дышит в деятельности княгини Ольги и тех купцов, которые еще до официальной даты Крещения Руси строили в Новгороде, Киеве и других городах Гардарики (Руси как страны городов – авт.) храмы и учреждали христианские собрания. А после Крещения, которое формально христианизировало Русь, само христианство в значительной степени перестало быть свободным выбором человека, превратившись в политический проект князя и киевского престола.

Присутствие евангельского духа несомненно в жизни и деяниях великого князя и ученого Ярослава Мудрого и смиренного подвижника Сергия Радонежского; многочисленных нестяжателей и московско-новгородских реформаторов; питерской интеллигенции, ищущей в формалиновом православном государстве Победоносцева живое слово Евангелия, и многих-многих других подлинных христиан» (Направления развития Евангельского движения. Постсоборные тезисы, 2010).

Работу по формированию своей идентичности было решено на Первом соборе вести по трем направлениям: преемственность от «Апостольской эпохи и Новозаветной Церкви вплоть до сегодняшнего дня», надконфессиональность («Требуется поставить евангельскую, даже более того — христианскую идентичность выше конфессиональной, не говоря уже о юрисдикционной, принадлежности...»), неразрывная связь российского евангельского движения с русскоязычными евангельскими церквями за рубежом, а также — с евангельским движением в мире в целом.

Протестанты также видели свою роль в развитии и процветании «русского мира». Первый собор поставил задачу приглашать на соборы «лучших представителей» русскоязычного евангельского движения со всего мира и «формировать собственное представление о том, что есть Русский мир».

Украинский теолог Михаил Черенков, участник Второго евангельского собора 2011 года, писал по его итогам: «Для большинства идеологов "русского мира" православие и русский язык являются общими и обязательными скрепами, но для евангельских христиан не менее очевидны другие принципы: культурный и конфессиональный плюрализм, свобода идентификации, гетерогенность культурного и культового пространства. Мосты общения между народами, пережившими трагедию советского эксперимента, связанными языком и опытом совместной жизни, нужно строить таким

образом, чтобы в полученном пространстве общения каждый субъект мог сблизиться, а не забыться, найтись, а не потеряться, послужить другому, а не использовать соседа. Так что в поисках общности и в открытости к дружбе народов и культур, евангельские христиане сознательно отстраняются от политики, и сдвигают дискуссию о "русском мире" в сторону духовной культуры». Вместе с тем, российско-украинский кризис после 2014 года резко политизировал понятие «русского мира», сделал его символом «агрессии» для большинства украинских протестантов, посеял вражду между церквями России и Украины. Построение «русского мира» как в православном, так и в протестантском варианте оказалось под вопросом и, возможно, теперь отложено на несколько десятилетий.

Помимо сложностей с определением «русского мира» и места протестантов в нем, возник и целый ряд других проблем. Евангельские соборы так и не превратились в общепротестантские для России и стран СНГ. Главным организатором соборов так и остался Российский объединенный союз христиан веры евангельской (РОСХВЕ), то есть пятидесятническая структура. Российский Союз баптистов в 2015 году даже вышел из Совета глав протестантских церквей России из-за скрытого недовольства первенствующим положением в нем главы РОСХВЕ епископа Сергея Ряховского. Помимо этого, протестантам на высшем уровне удалось встроиться в ныне существующую «византийскую модель»: С.В. Ряховский входит в Общественную палату РФ с 2006 года, как и в президентский совет по религиозным объединениям. Многие представители РОСХВЕ, как иногда и баптистские пресвитеры, в регионах входят в местные общественные палаты и советы при губернаторах. Сотрудничество российских лютеран, баптистов и пятидесятников с РПЦ ведется через ОВЦС и Христианский межконфессиональный комитет (ХМКК) стран СНГ и Балтии. Протестантские лидеры выступают с позиций полной солидарности с руководством РПЦ и президента В. Путина (Союз баптистов РФ в 2015 году осудил революцию евромайдана 2014 года в Украине как «мятеж», церковь «Живая вера» в Пензе посылала помощь Новороссии и поддержала переход Крыма в РФ). Возможность принадлежать к политическому истеблишменту среди рядовых пасторов воспринимается как ценность сама по себе после десятилетий планомерного уничтожения церквей в советские годы. Кроме того, в этом также есть элемент укоренения протестантизма на российской почве, поисков своей идентичности в рамках российского политического мировоззрения. Антизападная кампания и конфликт с Украиной значительно повредили образу протестантов в обществе: в масс-медиа их стали представлять как «проводников революций» и «американских агентов». Пятидесятников или адвентистов все реже, но упоминают в антисектантских сюжетах и статьях. Однако поскольку сами евангельские общины и их лидеры не дают повода для каких-либо обвинений любые упоминания протестантов в «сектантском» контексте воспринимаются как анахронизм советского периода.

Можно сказать что «инкультурация» протестантизма в России, по-прежнему неуклонно продвигается по следующим направлениям:

1. Собственно культурное укоренение на русской почве — осознание протестантами своей принадлежности русской исторической традиции, русской духовности и ментальности.
2. Осознание протестантами своей ответственности за судьбы родины, своей обязанности и способности изменить Россию к лучшему. Формирование русского

протестантского патриотизма, предполагающее свое специфически протестантское национальное чувство.

3. Признание русским общественным мнением, русским национальным сознанием протестантов и протестантской субкультуры своей неотъемлемой частью. (См.: Струкова А.С., Филатов С. Б. От протестантизма в России к русскому протестантизму // Неприкосновенный запас, 2003. — №6. — С.21-32).

На новом витке истории протестантизм бесспорно преумножит свои постсоветские достижения участием в демократическом становлении России, когда в публичном пространстве снова открыто будут обсуждаться вопросы гражданского переустройства страны. Протестантское почвенничество, соединенное с трудовой этикой, проявит себя, прежде всего, в политике, экономике, а, к примеру, в литературе и культуре в целом снова и скорее, чем православные, может поставить вопрос о свободе, о «личном Боге» и личной ответственности русского человека. Происходящее сейчас на деле является не подспудной реформацией православия или русской культуры, и отнюдь не противостоянием и конкуренцией протестантов с РПЦ, а в намного в большей степени — исправлением и перевоспитанием искаженного советского человека с его мифом о патерналистском лицемерном обществе, равнодушном к вере.